

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Преподаватели Европейского университета в Санкт-Петербурге предложили своим студентам-социологам письменно высказать мнения о книге И.С. Кона «80 лет одиночества». Так появилась публикуемая ниже коллективная рецензия, которая показалась редакции интересной тем, что в ней выражен взгляд «грядущего поколения» на описанную И.С. Коном советскую действительность и советскую социологию, рассуждения о социальном и интеллектуальном одиночестве. Авторы рецензии также попытались описать ожидания, которые они предъявляют собственному социально-профессиональному будущему и будущему своей страны.

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОДИНОЧЕСТВА¹

Книгу о личном одиночестве Игорь Семенович Кон начинает с широкого и, пожалуй, интуитивно очень точного социологического наблюдения: «Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни» [1, с. 9]. Лейтмотивом его автобиографического труда, таким образом, становится описание условий работы и жизни в Советском Союзе, которые так плохо сочетались с творческой и повседневной свободой и так быстро были воспроизведены после легкого дуновения ветра перемен 1990-х годов, вдруг сменившего направление. Пессимистичное замечание автора действительно отражает то ощущение, которое формируется под лавиной новостей и историй из жизненного опыта, объединяющихся под рубриками «закручивание гаек» или «укрепление вертикали власти». Однако оно же дает надежду на оптимистичный финал: коль скоро основания для воспроизводства

¹ Авторы выражают признательность за идею и увлекательные лекции Борису Максимовичу Фирсову и Михаилу Михайловичу Соколову.

этих отношений находятся в советском опыте демонстрации неоправданной лояльности властным институтам, они перестанут воспроизводиться при неизбежной смене поколений. Те, у кого есть опыт советской социализации, освободят пространство для формирования нового общества тем, у кого такого опыта нет. Кажется, остается лишь дожидаться новых, неиспорченных желанием подчиняться поколений, чтобы прервать цепь событий, возвращающих нас в условный СССР всякий раз, когда мы только начинаем забывать о нем. Эти новые поколения, как нам представляется, будут ценить личную и общую свободу гораздо больше частного комфорта, получаемого за подчинение властным отношениям на всех уровнях: от глав государственной бюрократии до начальников на работе или глав семейств.

Осенью 2013 года нам, слушателям курса «История социологии», было дано задание написать рецензию на книгу Игоря Кона, оценить его автобиографические признания с позиции грядущего поколения социологов и политологов, для которых знания о Советском Союзе даны лишь в текстах подобных книг. Лояльность, описываемая Коном и формирующая его чувство одиночества, для нашего поколения — часть мифологии о прошлом страны, не имеющим, как кажется, уже никакого отношения к нашей собственной повседневности. Через несколько лет мы станем профессионалами, производящими и описывающими другие социальные отношения, свободную — в силу нашей собственной, отличной от советской социализации, — науку, более не ограничиваемую постоянным страхом сказать лишнее или не сказать нужное. По крайней мере, такая надежда питает отправной аргумент этого короткого текста.

О науке в СССР

Автобиографические воспоминания Игоря Семеновича Кона описывают его восприятие истории советской науки, в том числе истории социологии, с которой совпадает его собственная линия жизни. Эта книга — сочетание повествования о серьезных ограничениях, уготовленных партийным аппаратом и советской академической бюрократией каждому ученому, с полными нескончаемого оптимизма и теплоты воспоминаниями о коллегах. Композиционно текст книги «80 лет одиночества» делится на две большие части: «Люди и обстоятельства» и «Темы и проблемы». В первой части автор рассказывает свою личную историю, а во второй — историю развития своих научных идей. Книга написана простым языком и насыщена множеством «житейских» иллюстраций, что позволяет читателю составить собственное впечатление о событиях описываемой эпохи, то есть проделать самостоятельный анализ и получить оригинальные выводы. Эта книга не столько о

жизненном пути одного из выдающихся советских — и российских — ученых, сколько о советском обществе вообще и советской науке в частности, представлявшей собой полный опасности лабиринт между партийными догматами и советскими интерпретациями марксизма.

Основным тропом книги, вынесенным в ее название, является одиночество — концепция, как представляется, достаточно опосредованно относящаяся к советскому прошлому. Автор и сам отмечает это противоречие. Как можно говорить об одиночестве, когда постоянно приходится нос к носу находиться с другим человеком? Иными словами, «одиночество» — гораздо более сложная социологическая метафора, чем кажется на первый взгляд. Что такое одиночество, когда каждому «в затылок дышит» бдительный советский гражданин? В книге одиночество оказывается антонимом свободы. При этом свобода выражается не в известном нам западном понимании, определяющим для которого становится индивидуальный выбор «свободного» человека, но в особом позиционировании себя в сложной социальной сети связей между разными людьми — коллегами, соседями, чиновниками, — которые в конечном итоге определяют твои повседневность и жизненный путь. Их влияние оказывается важным как для ощущения свободы, так и для чувства одиночества.

Поэтому автобиографический текст Кона посвящён не столько ему самому, сколько тому окружению, тем людям, с которыми он был связан в своей жизни, тем отношениям, которые у них сложились. В этих сетях личные отношения имели необычайный вес: интерпретация вашего суждения коллегой или начальником может стать поводом для отказа в публикации, неосторожно брошенная фраза — для получения статуса «невъездного», то есть потери возможности обмена мнениями с иностранными коллегами. Однако с помощью все тех же сетевых взаимоотношений можно было найти способ опубликовать свой текст или получить требуемую для выезда визу. Такими примерами Кон демонстрирует своеобразный характер советского общества, цель каждого гражданина в котором — найти слепые пятна «паноптической машинерии власти» и действовать в этих выпадающих из тоталитарного контроля зонах [6, с. 111].

В советское время провозглашалось, что гражданин един с коллективом, партией, государством. Практически все иллюстрации повседневной жизни автора книги демонстрируют противостояние между ученым и самой властной институцией — государственной бюрократией, способной распоряжаться социальным пространством. В то же время автор использует краткосрочные тактики, совершая действия в обход власти, чтобы присвоить себе захваченное ею

пространство [5, с. 107]. В связи с этим нельзя не вспомнить рационального советского гражданина, названного Ю. Левадой «Человек Лукавый» [3]: точно знающий, какотреагирует на его действия власть, советский гражданин постоянно припрятывает метафорическую «фигу в кармане». Пожалуй, в научной сфере такой «фигой» часто являлось особое использование языка: советская социология, по мнению Игоря Семеновича Кона, свои наиболее важные идеи сообщала завуалированно, так, чтобы только определенный читатель мог понять истинный смысл высказываний, спрятанных за ритуальными цитатами трудов Маркса, Ленина и членов Политбюро. Эта идея прослеживается в биографиях разных интеллектуалов советской эпохи. Метафора Кона об «эзоповом языке» советской науки наталкивает на очевидный пример — биографию Корнея Ивановича Чуковского. Его «детские» сказки позволяли определенному типу читателя декодировать социальную критику общества, построенного на идее недостижимого светлого будущего.

Есть ли жизнь после СССР?

Возможно, тактики безвластных, распространенные в СССР столь широко, что оказалось возможным социологически подметить отдельный тип человека, сложились в достаточно сильную стратегию, приведшую к разрушению существовавшего режима. Начала строиться Новая Россия, а вместе с ней на иной аксиоматике должна была строиться и новая российская социология. Однако Игорь Семенович пессимистично отмечает, что наша современная жизнь начинает постепенно становиться похожей на ту, которую он знает по СССР. И хотя по жесткости современная власть несравнима с советской, уже сегодня мы задаем себе вопрос, а не понадобится ли нам вскоре богатый опыт Кона в собственной деятельности? Для людей, которые сформировались в несколько иной академической атмосфере, непривычно и порой «дико» узнавать о почти анекдотических ситуациях (впрочем, зачастую с серьезными последствиями), которые описывает автобиография. Однако еще печальнее, что автор узнает сюжеты прошлого в собственном настоящем. Уже после «демократизации» ученый, как бы странно это ни звучало, остается в одиночестве, то есть состоянии несвободы. По прошествии лет И. Кон стал известен как основатель отечественной сексологии, автор трудов, определивших новые направления исследований в российских социальных науках. Но почему все же его не покидает чувство одиночества?

Тема, выбранная им для собственной автобиографии, появляется в текстах автора не впервые. В книге «В поисках себя»,

увидевшей свет в 1984 г., Кон систематизирует представления социально-гуманитарных наук о личности, обращаясь к проблеме одиночества, вызванного общественно-историческим контекстом Нового времени. Краткий анализ работы Кона, предпринятый Н.Е. Покровским и Г.В. Иванченко, связывает предлагаемый автором концепт одиночества с формированием капитализма в Европе, в условиях которого индивид отчуждается от традиционного коллектива, утрачивает возможность рефлексии над собственным положением, а также появляются материальные условия труда и быта, способствующие уединению [4, с. 64–65]. Однако если такая трактовка идей автора адекватна решению задач теоретической дискуссии, она, пожалуй, ничего не говорит нам о самом Игоре Коне. Между тем, его внимание к одиночеству в контексте размышлений о личности примечательно. Кон пишет, что «многогранная личность нового времени, не отождествляющая себя ни с одной из своих предметных и социальных ипостасей, нуждается в обособлении от других и добровольно ищет уединения. Вместе с тем она острее переживает одиночество как следствие дефицита значимого общения или неспособность выразить богатство своих переживаний» [2, с. 112]. Далее Кон приводит в пример романтизированные образы «одиноких мыслителей» эпохи Просвещения. Нам представляется возможным предположить, что в этих образах автор совершает среди прочего «поиск себя» — непонятого, отвергнутого и в связи с этим всегда одинокого мыслителя, с энтузиазмом предлагающего обществу и власти ответы на их вопросы, но остающегося не услышанным. Его личное одиночество заключается в отмеченном им 30 лет назад «дефиците значимого общения».

Смена политического режима в стране, как замечает Кон, не изменила данной ситуации. Его размышления, идеи, предложения, по его собственным ощущениям, оказались ограниченно востребованными, а стена отчуждения и непонимания так и не была разрушена. Система, требующая демонстрации лояльности, стала быстро восстанавливаться, а вместе с ней — возвращаться чувство одиночества. Подмеченные И.С. Коном тенденции мы с сожалением отмечаем и в наших собственных письменных работах. При более детальном и рефлексивном рассмотрении наших текстов видно, что они в некоторой степени отражают общую схему власти-подчинения, о восстановлении которой предупреждает Игорь Семенович. Так, конфигурация властных отношений, свойственная советскому обществу, предполагает, как мы указали выше, демонстрацию лояльности и одновременно поиск лакун для свободного самовыражения, что часто сопряжено с определенным лукавством. Такие отношения выстраиваются на разных уровнях иерархической

системы, поскольку любая властная инстанция полагается потенциально репрессивной. В нашем случае в отношениях учитель-ученик последнему необходимо продемонстрировать лояльность перед первым, несмотря на возможное осуждение такой лояльности со стороны учителя. В этом смысле, любое социальное взаимодействие оказывается отношением власти и репрезентирует общую конфигурацию властных отношений на микроуровне.

Предполагая исключительно позитивное отношение к книге со стороны преподавателя курса, Б.М. Фирсова, мы постарались снабдить нашу критику яркими положительными отзывами, не только потому, что книга этого заслуживает, но и в попытках продемонстрировать лояльность. О последнем свидетельствует эмоциональная форма, в которой высказывается отношение к книге. Так, автобиография Игоря Кона оказалась «осмысленной формулировкой того, как должен жить настоящий социолог», «пронзительной книгой о Человеке» (с большой буквы). Несмотря на то, что, будучи действительно неординарным ученым, Игорь Семенович, безусловно, заслуживает высказанных похвал, их обилие не красит наши ученические работы, но говорит о нашей готовности подчиняться воле преподавателя, то есть напоминает об отношениях власти, условно связываемых с СССР. Это — с одной стороны. С другой — наши тексты также демонстрируют определенные изменения. Они касаются ориентации на индивидуальные стратегии, используемые наравне с «лукавыми тактиками». Многие из нас в связи с прочтением книги «80 лет одиночества» высказали мнение, что изучение интеллектуальных карьер такого высокого уровня имеет смысл для развития своей собственной. Книга оказалась мотивирующей, потому что, читая ее, мы сравнивали себя с Коном и задавали вопросы: «а чего я достиг в 22?», «смогла ли я это сделать?», «вот мне тоже 22 года, Кон в этом возрасте дважды защитился, а что сделал я?»

Учитывая эти два обстоятельства (одновременное присутствие в текстах «Человека лукавого» и современного индивидуалиста-карьериста) нам представляется, что в своих пессимистичных оценках Игорь Семенович Кон оказался, с одной стороны, невероятно прозорлив, а с другой — его не заинтересовало обстоятельство, которое, возможно, ставит под сомнение предопределенность воспроизводства советской конфигурации власти в современной России. Его справедливые оценки актуальной ситуации связываются с тем, что призраки социалистического гражданина еще бродят и, судя по всему, еще будут бродить по бывшим территориям СССР, невзирая на смену поколений. Однако новые тенденции в общественных процессах уже открыли сезон охоты на этих призраков. Такие тенденции выражаются в новых индивидуалистически

настроенных жизненных стратегиях, для которых личный успех, выгода и постоянное соревнование становятся определяющими. Подогреваемые квантифицируемыми показателями научной деятельности в виде публикаций и рейтингов цитирования, эти тенденции только усиливаются. Два подмеченных в тексте постсоветских человека уживаются в одном теле российского гражданина. Однако нам представляется, что ориентация на индивидуальные выгоды не принесет в будущее общество позитивных тенденций, а потому общее пессимистичное суждение Игоря Семеновича о будущем дисциплины и страны в этом смысле остается не опровергнутым. Одновременно с этим следует иметь в виду, что на самом деле нам неизвестно, какие непредсказуемые эффекты может дать смесь конфликтующих личностей, составляющих, тем не менее, одно общество. Эти эффекты могут оказаться поводом для неподдельного оптимизма, так как будущее — туманная для науки концепция, поскольку часто оказывается отличным от наших собственных социологических прогнозов.

Книгу Игоря Семеновича Кона «80 лет одиночества» трудно назвать просто автобиографией. Поднимаемые в ней сюжеты служат отправной точкой для более общих рассуждений, чем биография одного человека. Одиночество автора — это несвобода, «интеллектуальное одиночество»: «Хотя тебя все вроде бы знают, ты везде остаешься более или менее посторонним» [1, с. 392]. В этом смысле одиночество интеллектуала не является характеристикой одного лишь советского общества, а, как мы предполагаем в своих отзывах о книге, может возникнуть и в новых, более демократических обстоятельствах. Возможно, свобода — удел одиночек, для которых, тем не менее, окружающее общество остается отправной точкой рассуждений, жизненных стратегий и научного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М.: Время, 2008. — 448 с.
2. *Кон И.С.* В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. — 225 с.
3. *Левада Ю.* Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1 (45). С. 19–27.
4. *Покровский Н.Е., Иванченко Г.В.* Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. 2-е издание исправленное и дополненное. М.: Логос, 2008. — 424 с.
5. *Серто М. де* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 329 с.

6. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. // Общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. — 208 с.

А. Кондаков,
ассистент профессора,
Факультет политических наук и социологии, ЕУСПБ

А. Вичкитова, А. Григорьева, А. Евстифеев,
Е. Иванова, А. Копий, Е. Никитина, Д. Новоселов,
А. Симонова, Д. Ходоренко, В. Шишкалова,
слушатели первого и второго курсов магистратуры
Факультета политических наук и социологии ЕУСПБ

Дата поступления 14.06.2014

**GENERATIONAL ANALYSIS OF SOLITUDE:
REVIEW OF I.S. KON'S "80 YEARS OF SOLITUDE"**

A. Kondakov — Assistant Professor, Faculty of Political Science and Sociology, European University at St. Petersburg (EUSP). **Email:** akondakov@eu.spb.ru

A. Vichkitova, A. Grigorieva, A. Evstifeev, E. Ivanova, A. Kopyi, E. Nikitina, D. Novoselov, A. Simonova, D. Khodorenko, V. Shyshkalova — first and second year MA-students, Faculty of Political Science and Sociology, EUSP.

REFERENCES

1. Kon I.S. 80 let odinochestva. Moscow: Vremja, 2008. — 448 s.
2. Kon I.S. V poiskah sebja: lichnost' i ee samosoznanie. M.: Politizdat, 1984. — 225 s.
3. Levada Ju. Chelovek lukavyj: dvoemyslie po-rossijski. Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2000. № 1 (45). S. 19–27.
4. Pokrovskij N.E., Ivanchenko G.V. Universum odinochestva: sociologicheskie i psihologicheskie ocherki. 2-e izdanie ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow: Logos, 2008. — 424 s.
5. Certeau M. de Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'. [Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoj]. St. Petersburg: EUSP Press, 2013. — 329 s.
6. Foucault M. Arheologija znanija. [Per. s fr. Obshh. red. Br. Levchenko]. Kiev: Nika-Centr, 1996. — 208 s.

Received: 14.06.2014